

Прочитала рассказ Сергея Кузичкина «Пятьдесят ноябрей». Потом ещё раз. И ещё, ещё.

Одно только название («Пятьдесят ноябрей») уже привлекает внимание, интригует, пробуждает любопытство: что смогло объединить эти самые пятьдесят месяцев преддверия зимы? Подсказка к ответу — рядом: «Из цикла „Искринки памяти“». Стало быть, надо искать «искорку памяти», маленькую, как горчичное зёрнышко, но яркую и пламенную, как совесть. Убери эту искру — и нет костра, погас животворящий огонь, исчезло тепло (которым автор щедро делится с читателем).

Отправляюсь на поиски истины, умело спрятанной С. Н. Кузичкиным в небольшом по объёму, но ёмком и глубоко по содержанию рассказе.

Вооружившись новой шариковой ручкой и листами бумаги (формата А4), сгибом фиксирую страницы альманаха «Новый Енисейский литератор», № 2 за 2018 год.

Сначала читаю обзорно, чтобы уловить сюжет. Кажется, мне это удаётся. Россия. Красноярск. Книжная ярмарка. Преддверие столетия Октябрьской социалистической революции. Шестидесятилетний писатель, редактор вместе с другими литераторами предлагает посетителям ярмарки книжной культуры книги и сборники стихов своих современников.

Так писатель приглашает меня в свой мир реальности, в своё настоящее, которое (увы!) не наполнено флюидами бесшабашного всеобъемлющего счастья.

Главный герой рассказа, Сергей, всеми силами своей творческой души пытается найти более чем хорошее — вдохновение в сегодняшнем дне, но безуспешно. Вокруг него всё слишком ровно, трезво, чинно — люди, предметы, действия и даже мысли...

Сергей невольно начинает анализировать, мудрствует, уходит от реальности и в конце концов погружается в прошлое.

И календарная дата (четвёртое ноября) становится вспышкой, красной нитью, которую писатель вплетает в кружево повествования, украшая произведение событиями одного только

дня так, как алые флаги оживляли когда-то демонстрационные шествия (в честь очередной годовщины революции — седьмого ноября 1967 года), огненной лавой растекаясь по улицам городов Страны Советов.

И дальше в один миг вдруг меняется всё! Главный герой превращается в Икара, расправляет крылья памяти и смело, через «пятьдесят ноябрей», устремляется к солнцу, к самому его раскалённому, ослепительному ядру — всепоглощающему счастью. Но чем ближе к центру отсчёта (ноябрей), тем меньше и меньше становится могучий смельчак; тем больше перьев в его крылах сжигает ослепительное светило. И вот уже Сергей — девятилетний мальчик Серёжа, у которого за крылья можно принять разве что угловатые мальчишечьи лопатки.

В рассказе редактор известного альманаха купается не в лучах собственной славы, а — в атмосфере своего светлого прошлого, одного безмерно счастливого дня из детства мечтателя Серёжи.

И я, как читатель, с восторгом ощущаю свою причастность к происходящему и хочу разделить с «ударником» его чувства, которые в середине действия достигают зенита...

Вернувшись к рассказу через день после первого прочтения, отмечаю следующее: несмотря на то, что писатель Кузичкин С. Н. буквально идеализирует третьеклассника Серёжу, всю его семью и весь этот (насыщенный эмоциями) день четвёртого ноября 1967 года, — история очень жизненная! День идеального счастья! — «высококонцентрированный продукт», который рождается и остаётся навсегда только в детстве, пока душа ребёнка чиста, как ангел, светла, как снег, многоцветна, как радуга, и фантазийна, как космос. Только дети могут навсегда забывать обиды, боль, печаль; их память очень избирательна — на всё хорошее, доброе, вечное. В жизни каждого ребёнка должен быть ТАКОЙ! незабываемый день.

Автор умело собрал на свой «ковчег» элементы ярких событий, возможно, целого года: начало школьных каникул, предвкушение субботнего обеда, строительство первого многоэтажного дома в небольшом городке Тайшет, получение ордера на квартиру, переезд в новый дом и, наконец, обретение благ прогресса (которых явно не хватало мальчику в предыдущем отрезке времени).

Стало быть, раньше не всё так сладко было, как кажется? Ведь малой Серёжа (бессознательно?) лелеет надежду, что

материальное благо (чем и является в данном случае двухкомнатная квартира в новом доме) станет залогом «нового и хорошего будущего», нескончаемого ощущения счастья. Совсем по-земному.

Но в своём сне маленький герой всё же устремляется навстречу мальчишеской мечте: «и видел... синее небо и белые облака, наш новый дом и себя за штурвалом самолёта». И, читая эти строки и восторженные «Ура!», хочется безоговорочно верить восторженному Серёже; хочется пролететь по небу на самолёте его мечты и вместе любоваться сверху (сквозь белые облака) на его новый дом, на очень причудливую жизнь планеты Земля, так и не разгаданной до конца.

Детская мечта осталась мечтой? Почему? Наверное, потому, что квартира (номер двадцать три, на третьем этаже) была слишком близко к земле и очень короткой для того, чтобы стать взлётной полосой в большое будущее. Ведь тогда, в 1967 году (в отличие от современности), нас не учили, что даже мечтать надо правильно...

В третий и четвёртый раз перечитываю рассказ до тонкостей — и таки нахожу «изюминку»! Да не просто, а ещё и в шоколаде.

ЛОШАДКА! — в самом эпицентре событий. Та самая, деревянная, на колёсах! Вот она, «искринка памяти», готовая разгореться в любой момент — стать костром или же звездой. Средоточие «абсолютного счастья», с которым не хочется расставаться или отдавать на поругание. Чувство нужности, желание защитить слабого, стремление (как говорится) быть всегда на коне (в седле ли?), чувство дружбы и, наконец, ощущение собственности — всё это воплотилось в отношении к одной лошадке-другу, взращивалось в мальчишке Серёже (им самим) с четырёх лет. С благородной целью: быть сильным, смелым, умным; быть «за штурвалом» — настоящим мужчиной! И пусть в особые только дни, но «засыпать абсолютно счастливым», когда лошадка с потёртыми боками становится ангелом-хранителем детства, а с годами превращается в талисман для художника слова.

Закадычный друг Серёжи — лошадка — неожиданно появляется «искринками» в центре рассказа — не раз и не два:

- «но я не давал (выбросить) и хранил её за диваном, на котором спал»;

- «Мою лошадку не забудьте!»;

- «я с лошадкой в руках»;
- «а на своих коленях пристроил лошадку»;
- «прижимая к себе лошадку».

Обрывая на этом судьбу сокровища бойкого Серёжи, автор произведения оставляет читателю право додумать, дофантазировать и ответить на вопрос: что же стало с детской реликвией, которую мальчик взял из своего прошедшего — в новую неведомую жизнь (как единственно важное для него)?

Мне додумалось так. В новом доме, «в предчувствии нового и хорошего будущего», Серёжа (с помощью деда) отремонтировал свою лошадку. Он заменил сломанное колёсико, покрасил её в золотистый цвет, смастерил из картона и приделал лошадке КРЫЛЬЯ! Так дорогая сердцу Серёжи деревянная лошадка превратилась в таинственного Пегаса, определив во многом дальнейшую жизнь мальчика, способного глубоко сострадать, чувствовать, мыслить и действовать.

Пегас — любимец муз, родившийся у истоков океана (Серёжиной души), — в греческой мифологии означает «бурный поток». Конь летает со скоростью ветра. Ударом копыта о землю выбивает источник, из которого поэты черпают вдохновение. Перед стремительным полётом ему необходимо сделать несколько шагов по земле.

Пегас до тех пор помогает герою, пока тот не захочет на крылатом коне достигнуть неба, то есть взлететь на божественный Олимп. Важно всегда помнить об этом!!!

Он помещён на небосвод в виде созвездия Коня, но без крыльев. Пегас символизирует созерцание, красноречие, славу, взаимосвязь всего живого!

Кузичкин С. Н., безусловно, «оседлал Пегаса», что означает — нашёл вдохновение. И верится, что ещё бесконечно долго Пегас будет жить на его небосводе. И каждый, кто видит звёзды, может наблюдать это чудо.

Сергей Кузичкин, как мастер, из ярких лоскутков искусно соткал шедевральный наряд для своего детища; облакая своё зерно (свою истину) в тайное исподнее, костюм повседневности, завершая образ накидкой настоящего и подпоясывая обнадёживающим будущим. Таковы в моём понимании суть и стиль рассказа «Пятьдесят ноябррей», рассказа (моего одногодки), события которого известны мне не понаслышке, а пережиты мною по-своему, по девичьи. Спасибо автору, что он всколыхнул безмятежную гладь океана моей души...

Браво, дорогой писатель! Как превосходно и хитро он использует яркие приоритеты в жизни большинства соотечественников, жителей СССР 1967 года:

- мечта мальчишек стать лётчиком или космонавтом;
- стремление школьников учиться только на «хорошо» и «отлично», чтобы родители гордились ударниками;
- движение наставничества и шефства;
- традиционное блюдо — пельмени, которые лепили и ели по выходным всей семьёй;
- любимая детская игрушка, для мальчиков (в большинстве случаев) это именно деревянная лошадка на колёсиках;
- тесные родственные связи (представителей сразу нескольких поколений);
- желание быть первым;
- мужчины просто обязаны были читать газеты, чтобы было о чём поговорить с друзьями;
- иметь диван с валиками по бокам — дорогого стоило;
- демонстрация как всенародный праздник — «в красных стягах и транспарантах»;
- клубы с их кинозалами, кружками, танцами, вечерами для работников заводов и фабрик;
- соки и вино «на розлив»;
- модные по тем временам брюки клёш (позже 1967 года);
- открытое, доверительное общение между людьми.

Всё согрето большой и светлой любовью писателя. И, возможно, действительно так сошлись звёзды, что все перечисленные ингредиенты коктейля под названием «ЖИЗНЬ» нашли своё воплощение (смешение) в одной семье (без придумок). Нужно было вместе с соотечественниками пережить и перечувствовать это, прежде чем собрать в одну художественную композицию такое множество временных деталей, народных подробностей, так верно изобразить провинциальный городок СССР эпохи социализма.

В рассказе нет ни одного отрицательного персонажа. И всё же есть «капля дёгтя в ложке мёда». Меня буквально резанула, на первый взгляд, казалось бы, такая мелочь: «Дед остался возле машины — охранять наши вещи». ОХРАНЯТЬ?! От кого? Тогда ещё существовало человеческое доверие! В 1967 году не было и в помине железных дверей и решёток на окнах: двери запирали только на ночь, форточки открывали на весь день. У нас, например, и воровать-то было нечего, а потому об

этом не думали. Может, на этот эпизод автор посмотрел глазами писателя Сергея с книжной ярмарки четвёртого ноября 2017 года, а не глазами школьника Серёжки из 1967 года?..

Скорее всего, «дед остался возле машины» руководить процессом (разгрузкой вещей).

Но это всего лишь мои домыслы и рассуждения, попытка примерить на себя «чужую кольчужку». Выражаю автору рассказа сердечную благодарность: за настроение, за ностальгию (и по моему детству), за подаренную читателям надежду на светлое будущее для последующих «продвинутых» поколений.

Уже заканчивая писать этот отзыв, я услышала (из телевизионного юбилейного концерта в честь В. Н. Винокура) песню. В ней прозвучали слова, совпадающие с моими мыслями, обращёнными к уважаемому Сергею Николаевичу Кузичкину, автору рассказа «Пятьдесят ноябррей». Вот они:

Когда свой лучший день друзьям подаришь,
То жизнь опять понятна и проста.
Есть в мире вещи главные — ты же знаешь,
Остальное — суета!

...

И если есть на свете дружба,
Это значит — стоит жить!

Сибирь, Красноярск, 6 апреля 2018